

УДК 343:130.2:101.1

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).88-97

ЛАТЕНТНОЕ «ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОРАЛИ

Ю.В. Артюхович

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
29 сентября 2015 г.Дата принятия в печать
24 января 2017 г.Дата онлайн-размещения
28 марта 2017 г.

Ключевые слова

Мораль; латентное «опасное состояние личности»; социальная и аксиологическая маргинальность; ценность; норма

Аннотация. Предложен новый междисциплинарный подход к рассмотрению актуальных проблем профилактики преступлений и специфики личности преступника в контексте теории морали. На основе анализа концепций социологической и психологической школ уголовного права уточнен категориальный статус «опасного состояния личности» с позиции современной криминологии. Высказано мнение о социальной обусловленности опасного состояния личности: нормативно-ценностная система российского общества в целом противоречивостью и контрастностью норм и стандартов создает условия, способствующие деформации сознания наших психологически неустойчивых соотечественников. Исследована социальная маргинализация в качестве предпосылки возникновения «опасного состояния личности». Предпринята попытка аксиологической реконструкции личностных моделей маргиналов. Предложено разграничение терминов социальной и аксиологической маргинальности личности. Сделан вывод о том, что социальной маргинальности предшествует аксиологическая маргинализация личности: формирование внутренне противоречивого, контрастного ценностного пространства, противостоящего общепризнанным нормам и правилам общества. Аксиологическая маргинальность личности выступает началом пути к утрате идентичности и к обретению социальной маргинальности, которая завершает процесс идентификационного кризиса. С позиции аксиологического подхода уточнен категориальный статус морального ресентимента как эмоционального «возвращения» к событию. Рассмотрены различные аспекты формирования и развития ресентиментной личности в ситуации нормативно-ценностного плюрализма. Исходя из специфики механизма индивидуального преступного поведения сделан вывод о том, что аксиологический маргинал и ресентиментный субъект могут быть отнесены к ситуативному типу преступника, у которого нравственно-психологические деформации сознания в обычной обстановке выражены незначительно, но ярко проявляются под ситуативным воздействием извне. Определена специфика проявлений морального ресентимента как латентного «опасного состояния личности» в контексте развития современного информационного социума. Сделано заключение о том, что трудность в распознавании ресентиментного типа, находящегося в латентном «опасном состоянии личности», требует совершенствования комплексных превентивных мер взаимодействия правоохранительной системы и общества во влиянии на аксиологически маргинальных соотечественников. Отмечено, что в целях эффективного регулирования общественных отношений в современной правоохранительной и социальной практике необходимо проведение профилактических мероприятий как на основе правовых средств, так и с использованием воспитательного, культурного, медицинского, психологического потенциала современного общества.

LATENT «DANGEROUS CONDITION OF PERSONALITY» WITHIN THE FRAMEWORK OF THE THEORY OF MORALITY

Julia V. Artjukhovich

Volgograd State Technical University, Volgograd, the Russian Federation

Article info

Received
2015 September 29Accepted
2017 January 24Available online
2017 March 28

Abstract. The author presents a new interdisciplinary approach to examining the topical issues of crime prevention and criminal personality within the framework of the theory of morality. The analysis of concepts developed by the sociological and psychological schools of criminal law is used to specify the categorical status of «dangerous condition of personality» from the standpoint of contemporary criminology. The author argues that dangerous condition of a person is socially conditioned as the normative and value system of Russian society in general is characterized by contradictory and contrasting norms, which create conditions contributing to the moral deformation of our psychologically unstable compatriots.

Keywords

Morality; latent «dangerous condition of personality»; social and axiological marginality; value; norm

The author studies social marginalization as a prerequisite for the emergence of a «dangerous condition of personality» and presents an axiological reconstruction of personal models of marginalized individuals. She differentiates between social and axiological marginality of persons. The author concludes that social marginality is preceded by axiological marginality of a person: the formation of an internally contradictory, contrasting value space that is opposed to the generally recognized social norms and rules. Axiological marginality of a person is the beginning of a road to the loss of identity and acquisition of social marginality that is the final stage of the identification crisis. The categorial status of moral resentment as an emotional «return» to the event is specified using an axiological approach. The author examines different aspects of the formation and development of a resentment personality in the conditions of normative and value pluralism. Based on the specifics of individual criminal behavior mechanism the author concludes that an axiological marginalized person and a resentment person can be viewed as situational criminals whose moral and psychological deformation is very weakly manifested in ordinary conditions, but tends to be acute under external situational influence. The author also determines the manifestations of moral resentment as a latent «dangerous condition of personality» within the framework of the development of contemporary information society. She concludes that the difficulty of recognizing the resentment type, characterized by a latent «dangerous condition of personality», requires the improvement of complex preventative measures of cooperation between law enforcement and society in their influence on axiologically marginal compatriots. The author notes that an effective regulation of public relations in contemporary law enforcement and social practice requires prevention actions based on both legal measures and educational, cultural, medical and psychological potential of contemporary society.

Профилактика преступлений и специфика личности преступника — важные и актуальные проблемы современной криминологии. Мы обращаемся к их рассмотрению в новом ракурсе знания об обществе и человеке — в рамках междисциплинарного подхода, с позиций современной социальной философии и теории морали.

Согласно концепции «опасного состояния личности» социологической школы уголовного права, склонность к совершению преступления в значительной мере детерминируется социальной маргинальностью личности. Но статистические данные, события и факты объективной реальности свидетельствуют о том, что зачастую преступления совершаются внешне благополучными людьми, которые ничем не навлекают на себя подозрений.

Мы полагаем, что «социально здоровые» индивиды становятся на путь преступления также вследствие их маргинальности. Однако эта маргинальность имеет не социальный, а аксиологический характер. Латентная нормативно-ценностная деструктивность аксиологических маргиналов является «опасным состоянием личности» и представляет собой не менее грозную опасность для общества, чем явная антиобщественная активность социальных маргиналов. В доказательство этой гипотезы мы обращаемся к социально-философскому анализу морального ресентимента как одного из признаков аксиологической маргинальности личности. Данное исследование проводится с позиции нормативно-

ценностного подхода с использованием наряду с общефилософскими методами методов социального и аксиологического моделирования.

Цель статьи — социально-философский анализ морального ресентимента как показателя аксиологической маргинальности и фактора латентного «опасного состояния личности».

Реализация данной цели предполагает решение ряда исследовательских задач. Нужно рассмотреть процесс социальной маргинализации в качестве предпосылки возникновения «опасного состояния личности»; разграничить термины социальной и аксиологической маргинальности личности в рамках теории социальной философии; уточнить и конкретизировать категориальный статус морального ресентимента с позиции аксиологического подхода; выявить специфику проявления морального ресентимента у аксиологически маргинальных соотечественников; наметить дальнейшие перспективы исследования морального ресентимента как фактора латентного «опасного состояния личности» для разработки профилактических мер социального воздействия.

Представители социологической школы уголовного права и ее последователи (М.Н. Гернет, А.А. Жижиленко, А.Д. Киселев, С.П. Мокринский, С.Н. Тимашев и др.) разработали теорию «опасного состояния личности». Термин «опасное состояние преступника» впервые был употреблен А. Принсом на собрании центрального бюро Международного союза криминалистов в мае 1904 г. Принс указывал на необходимость приня-

тия специальных *превентивных* мер принуждения для лиц, соответствующих этому состоянию, т.е. имеющих *склонность* к совершению преступлений. В частности, он полагал, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [1, с. 131]. Создатель теории «опасного состояния личности» Р. Гарофало подразумевал под этим термином постоянную и имманентную склонность человека к совершению преступлений, во многом обусловленную его образом жизни и психическим состоянием.

Парижское совещание центрального бюро Международного союза криминалистов зафиксировало четыре основные категории опасных лиц: 1) опасные рецидивисты; 2) нищие и бродяги; 3) психически дефективные преступники; 4) преступники-алкоголики [2, с. 192]. Заметим, что в этой классификации категория опасных лиц также определялась преимущественно исходя из их *социального статуса, образа жизни, состояния здоровья и психики*. Известным российским криминалистом А.А. Жижиленко была предложена сходная типология лиц, находящихся в «опасном состоянии»: 1) лица, неоднократно учинившие определенные преступления, особенно важные; 2) неменяемые и не вполне вменяемые лица, учинившие важные посягательства; 3) лица, учинившие преступления, вызванные их тунеядством, распутством или склонностью к опьянению [3, с. 9]. Итак, даже краткий анализ криминологической научной литературы демонстрирует, что «опасное состояние» личности традиционно детерминировано уже совершенными или прогнозируемыми (на основании некоторых признаков) преступными деяниями. В подавляющем большинстве преступники являются социально маргинальными личностями, образ жизни которых *предполагает* их общественную опасность. В этом случае социальная маргинальность служит *предпосылкой* возникновения «опасного состояния личности».

Исследование проблемы личностной маргинальности с позиции аксиологического подхода (через призму совокупности человеческих *ценностей*) дополняет критерии маргинальности аксиологическими составляющими элементами. Очевидно, что личностные ценности в своей совокупности способны дать исчерпывающую характеристику внутреннего мира их носителя. Так как аксиологическое содержание этого вну-

треннего мира находит отражение в *нормативно-ценностных моделях* личности (рабочего, крестьянина, буржуа, интеллигента, бизнесмена и пр.), мы попытаемся прибегнуть к методу аксиологической реконструкции личностной модели социального и аксиологического маргиналов.

Понятие «социальный маргинал» возникло для обозначения тех, кто сам отторгает общество либо оказывается им отвергнутым [4, с. 19]. Общественные трансформации конца XX — начала XXI в. в России были отмечены появлением разнообразных социально-групповых инноваций *на границе или за пределами* сложившейся социальной структуры.

Социальная маргинальность предполагает либо разрыв традиционных общественных связей и создание собственного, совершенно *иного* мира (преступные сообщества, алкоголики, наркоманы), либо постепенное *вытеснение* индивида за пределы социума, как правило, вследствие его деградации (моральной и физической). Ориентация на «понятия» у представителей преступных сообществ находит отражение в их специфических целях, установках, ценностях (*внутреннем* содержании личности социального маргинала) и проявляется в образе жизни, поведенческих моделях. Это *внешнее* выражение «социального лица» привлекает внимание общества к их носителям и служит отличительным признаком «опасного состояния личности».

Однако, в соответствии с терминологией Т. Шибутани, маргинальная личность находится *между* разными мирами, но полностью не входит ни в один из них. Даже алкоголики, наркоманы, члены преступных сообществ, создающие «свои», особые миры, вынуждены (ситуативно, фрагментарно) все-таки принимать некоторые общие социальные стандарты и эталоны, соблюдать традиции и нормы. Представители маргинальных структур живут между человеческими законами и традициями, с одной стороны, и «понятиями» — с другой. Деградирующий индивид, постепенно утрачивающий человеческий образ, тем не менее, хранит в поведении (или в памяти) некоторые простые социальные стереотипы. Чем меньше становится *объединительных* признаков, связывающих социальных маргиналов с обществом, тем более четко проступает печать «инаковости» в их внешнем облике и поведении.

Однако проблема *маргинальности* личности современника не только проявляется на *социальном* уровне, но и находит оригинальное преломление в *нормативно-ценностной*

парадигме соотечественников. Почти всегда социальная маргинальность личности *сопровождается* ее аксиологической маргинализацией. Но аксиологическая маргинальность *не обязательно* завершается кризисом социальности, и в этом случае ее гораздо труднее распознать, чем социальную маргинальность личности в крайнем и полном выражении.

Следует отметить: если проблема *социальной* маргинализации нашла широкое отражение в социальной философии и психологии (Т. Шибутани, Т. Заславская, Б. Орлов, Е. Авраимова и др.), то *аксиологическая* маргинальность личности в настоящее время только становится предметом специального исследования и нуждается в последовательном философском осмыслении.

Можно предположить, что путь к социальной маргинальности личности начинается с ее аксиологической маргинальности — от внутреннего содержания к его внешнему выражению. *Аксиологическая* маргинальность личности — явление, не только и не столько *сопутствующее* социальной маргинализации, сколько *предваряющее* ее. Иными словами, путь человека к обретению социальной маргинальности *начинается* с аксиологической маргинализации личности — с формирования внутренне противоречивого, контрастного индивидуального или группового ценностного пространства, *противостоящего* общепризнанным нормам и правилам общества (или выходящего за их пределы).

Особенно сложен этот процесс в ситуации нормативно-ценностного плюрализма, характерной сегодня для нашей страны. В идеале общество должно обладать *целостной системой* ценностей и норм, признаваемых большинством его членов и массово реализуемых ими в процессе жизнедеятельности. Но в современной России в *одной и той же* общественной структуре *равноправно* сосуществуют различные ценностные образцы и эталоны.

Моральные нормы как элементы нравственного сознания призваны регулировать поведение человека, отличаться четкостью и определенностью в выражении нравственных требований «должного». Реализация моральных требований в поведении человека проявляется в том, как он следует (или не следует) данным нормам на уровне сущего, в реальной действительности, «с помощью совести и стыда» [5, р. 100]. В ситуации нормативно-ценностного плюрализма на уровне сущего трудно соответствовать моральным критериям социума (как «должному») прежде всего

потому, что сами эти критерии *нечетки и размыты*. В процессе своего нравственного становления и развития наши соотечественники подвергаются *плюральному прессингу* различных моральных норм и ценностей, декларируемых и реально существующих. Нарушение ценностного и «экзистенциального» равновесия [6, с. 36] привело даже не к нравственной амбивалентности (предполагающей антагонизм моральных норм и ценностей, входящих в аксиосферу индивида), а к моральной личностной *поливалентности* и моральной дискретности соотечественников. Это состояние многомерной, сложной и противоречивой ценностной парадигмы представляет *хаотическое смешение* различных аксиологических ориентиров и стандартов [7, с. 2930]. Наш морально поливалентный современник, находящийся в аксиологическом поиске, вполне способен стать аксиологическим маргиналом.

Аксиологическая маргинальность (не сопровождающаяся социальной маргинализацией) — печальная примета современности. Разумеется, далеко не все наши соотечественники в аксиологическом поиске обречены стать социальными маргиналами. Возможно, они не поднимутся на более высокую ступень социальной лестницы или не опустятся на низшую. Но, оставшись на своем социальном уровне, аксиологические маргиналы не будут воспринимать его в качестве «своего» в полной мере. В то же время они не смогут ориентироваться и на «чужие» ценности и нормы: не создав собственного ценностного мира, окажутся на границе чужого.

Аксиологическая маргинальность — это состояние *между* различными аксиологическими полюсами, когда «старые» ценности не замещаются новыми в полном объеме или *противоположные* ценности выступают в качестве реальных жизненных ориентиров. Неадекватность аксиологически маргинальной личности находит внешнее проявление как в социальной пассивности вследствие ценностной дезориентации, так и в непоследовательной социальной активности, способной вылиться в социальную агрессивность. Каждый из указанных вариантов представляет собой *латентное* «опасное состояние личности», хотя и не сопровождается *явными* внешними признаками личностной маргинализации. Порой аксиологические маргиналы имеют значимый социальный статус, высокий образовательный и профессиональный уровень, устойчивое материальное положение, однако, несмотря на эти позитивные характеристики, несут в себе

опасность для общества, так как содержат скрытый заряд ценностной деструктивности.

Рассмотрим специфику латентного «опасного состояния личности» на примере морального ресентимента как одного из существенных признаков аксиологической маргинализации личности современника.

Впервые понятие ресентимента (чувства «после», эмоционального состояния после завершения действий) было введено немецким философом Ф. Ницше в качестве детерминирующего основания для «морали рабов», основанной на чувстве неполноценности по отношению к «господам»: раб, не способный «возвыситься» до «господина», должен страдать от собственного бессилия и несостоятельности [8, с. 461]. У Ницше термин «ресентимент» включал психологический комплекс состояний бессилия, затаенной обиды, мстительности, трусости, и его содержание виделось философу исключительно негативным, лишенным аристократической творческой самодостаточности [9].

Более глубокое, разностороннее и последовательное исследование проблемы морального ресентимента представлено М. Шелером. Ученый полагал, что моральный ресентимент — это долговременная психическая установка личности, возникающая вследствие запрета на выражение душевных движений и аффектов, которые свойственны человеческой природе и сами по себе нормальны, если не переходят в навязчивую идею. Моральный ресентимент — это интенсивное переживание и последующее воспроизведение определенной эмоциональной ответной реакции на поступки другого — «возвращение» к событию, его вновь-чувствование [10, с. 13].

Истоком ресентимента может стать конфликт или даже просто осознание человеком своей несостоятельности по сравнению с другими. Если переживания после завершения конфликта выплеснулись в ответные аффективные действия (физические или моральные) или, наоборот, привели к искреннему прощению обидчика, т.е. реализовались в *поступках*, ресентимент не наступит. Он возникает там, где аффективные реакции «сдерживают, закусив губу», — из-за физической или духовной слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты. Известно, что довольно часто (по разным причинам) человек вынужден скрывать истинную реакцию на действия окружающих. Непосредственный моральный импульс в этом случае приходит в состояние

торможения, а ответный аффект откладывает на неопределенное время. Долговременная необходимость сдерживать проявление эмоций может в итоге привести к превращению их в *затаенное* негативное чувство (месть, ненависть, злобу, зависть, враждебность), которое постоянно беспокоит человека и требует выхода.

Нереализованные импульсы ресентимента способны порождать ценностные иллюзии. Например, главный участник конфликта (назовем его субъектом морального ресентимента — СМР), возвращаясь к переживанию событий, сравнивает себя с «обидчиком» по целому ряду параметров, по сути не имеющих прямого отношения к происшедшему. Если сравнение оказывается не в пользу СМР, то ценные качества «обидчика» как объекта сравнения *принижаются* или *нивелируются*. Происходит *фальсификация* ценностей: человек сознательно создает неадекватный аксиологический образ противника. В этом случае аффекты ресентимента проявляются в событийной реконструкции на *иных* аксиологических основаниях. Например, СМР совершил недостойный поступок морального плана по отношению к некоему объекту морального ресентимента (ОМР), на что ему жестко и сурово (но, заметим, справедливо) указал начальник. СМР признает свою вину и, возможно, даже приносит ОМР вполне искренние извинения. Но в глубине души он стремится найти моральное оправдание своему проступку. Для этого СМР вновь и вновь прокручивает в сознании происшедшее, и в процессе ресентиментного «возвращения» происходит прежде всего трансформация (или *фальсификация*) аксиологических образов участников конфликта. При этом ряды ОМР множатся: данный статус как минимум приобретает и начальник в качестве «обидчика» СМР.

Более того, некие личностные качества и особенности, свойственные конкретным ОМР (национальные, религиозные, поведенческие, даже внешние отличительные признаки), *абстрагируются* и приобретают негативный смысл. Такое аксиологическое явление М. Шелер называет *вытеснением*. Нам представляется более корректным определение «*расширение ресентиментного диапазона*», когда негативные эмоции «послечувствования» распространяются на лиц, не являвшихся участниками конфликта, но обладающих сходными с ОМР качествами. Так в ценностное поле ресентиментного действия по *косвенным* признакам *искусственно* вовлекаются посторонние люди, совершенно не причастные к

исходной конфликтной ситуации, но обладающие вышеперечисленными признаками ОМР. Более того, трансформируется ценностный смысл события, ставшего исходной точкой для возникновения морального ресентимента: оно предстает в другом ракурсе, обретая иные причины и предпосылки. Ведь «если человек встречается с антинормичными суждениями, то у него появляется острая потребность в мотивации, приводящей к корректированию поведения — либо одно из суждений переосмысливается, либо сознательно им находится новая информация» [11, р. 188].

Поэтому СМР находит для себя (или для узкого круга «сопереживающих» лиц) целый ряд аргументов (реальных или мнимых), подтверждающих, что в данных обстоятельствах он просто не мог поступить иначе. В лучшем случае на этом аффекты морального ресентимента находят выход в нормах-оправданиях, созданных СМР «для внутреннего пользования». Так процесс морального ресентимента получает *непродуктивное* развитие. Конфликт не перешел в открытую конфронтацию, не привел к деструкции взаимоотношений, но и не нашел конструктивного разрешения. Острый ресентимент перешел в хроническую фазу, вызвав *латентное* «опасное состояние личности» СМР.

Заметим: СМР в ходе конфликта не становится социально маргинальной личностью (алкоголиком, тунеядцем и др.). Его социальный (материальный и пр.) статус остается неизменным. Но нетрудно проследить, как шаг за шагом СМР постепенно обретает аксиологическую маргинальность, характеризующуюся всеми признаками состояния, которое мы считаем опасным. Сознательное искажение ценностного смысла происшедших событий, фальсификация аксиологических образов участников конфликта, расширение ресентиментного диапазона, в орбиту которого вовлекаются непрямые ранее люди по сходным косвенным признакам, создание норм оправдания — эти факты прямо указывают на аксиологическую маргинальность индивида. Его аксиосфера утрачивает целостность и цельность, переполняется противоречивыми и контрастными нормативно-ценностными представлениями и установками.

Подчеркнем, что в приведенном примере морального конфликта речь шла о воспроизведении в переживании конкретной *ответной реакции*: моральный ресентимент находился в определенной структуре причин и следствий. Но встречается и «конфликтно-беспричинный»

ресентимент, исходным пунктом в формировании которого являются *зависть, ревность и стремление к конкуренции* СМР. В этом случае СМР и ОМР порой не только не вступают в конфликт (или в любое взаимодействие), но даже едва знают о существовании друг друга. Однако СМР становится известно о *превосходстве* над ним ОМР по неким показателям. Ресентиментную зависть могут вызывать привлекательный внешний облик, высокий статус, материальное благосостояние, которые обнаруживаются при *ценностном сравнении* СМР с другими.

В обществе к чужому успеху во все времена относились неоднозначно: далеко не все готовы воспринимать богатых и удачливых людей «без зависти и неоправданного сомнения, так как они этого заслужили» [11, р. 188]. Напротив, «безответный» ресентимент становится источником трансформации мировоззрения индивидов и групп, меняет саму картину мира, основанную на позитивно-нравственных ценностях. Например, ценностные иллюзии морального ресентимента СМР приводят его к убеждению: ОМР привлекателен не потому, что следит за своей внешностью; обладает высоким статусом не вследствие достойного образования и творческой креативности; имеет материальное благосостояние не благодаря своей активной трудовой деятельности. Все это есть у ОМР лишь потому, что СМР *лишен* таких ценностей и добродетелей. Возникает абсурдная по своей сути аксиологическая установка: если у ОМР не будет упомянутых ценностей и добродетелей, то они появятся у СМР. При этом СМР *не* собирается предпринимать никаких усилий для работы над собой, повышения образовательного уровня, получения и закрепления полезных профессиональных умений и навыков (благодаря которым ОМР, возможно, и приобрел вышеупомянутые материальные, профессиональные и статусные ценности и привилегии).

Капризный ребенок, увидевший красивую игрушку у маленького соседа, плачет и требует такую же. Или лучше — именно эту, чтобы у соседа *не стало* игрушки, а у него появилась. Так и морально ресентиментный индивид страдает от зависти к удачливому соседу и в большей степени стремится даже не к обладанию имеющимися у того благами и привилегиями, а к лишению ОМР этих благ. В этом случае, как и в предыдущем, не происходит конструктивного разрешения ситуации. Его просто не может быть по причине отсутствия у СМР мотивации *достижения*, которая характеризуется стремлением к успехам

в различных видах деятельности и избеганием неудач [12]. Мотивация достижения побуждает *деятельность* личности, конкретизирует ее цели, выбор которых зависит от «ожидания цели и ценности цели, от изменения мотивационной значимости ситуации достижения, в которой происходит выбор цели» [13, р. 424]. В этой связи аффекты ресентимента заранее обречены на неудачу в реализации, потому что не имеют мотивации достижения как таковой. Субъект ресентимента сознает, что не может (по объективным или субъективным причинам) даже приблизиться к уровню ОМР по целому ряду показателей. С другой стороны, СМР и не делает ничего (или делает недостаточно) для того, чтобы конструктивно изменить ситуацию.

Подобное «ресентиментное недеяние» ведет к разрушению личностного самосознания. С одной стороны, в сознании СМР возникает и постепенно обретает конкретные очертания «образ врага», которым может оказаться каждый, кто хоть в чем-то его превосходит. С другой стороны, у отравленного «медленно действующим ядом души» (М. Шелер) СМР снижается самооценка: он осознает, что *хуже* других. Но это осознание не становится конструктивным мотивом к самопознанию и самосовершенствованию, а вырождается у СМР в *деструктивное* чувство: побуждает к борьбе с «врагом», который «лучше». Перманентная затаенная враждебность, агрессивность у внешне нормального человека характеризуют его как находящегося в опасном состоянии: ресентимент «всегда наготове и рычит» [14, S. 303].

Можно предположить, что ресентиментная зависимость сродни алкогольной или наркотической, и СМР будут бессознательно стремиться к общению с теми людьми, модель поведения которых соответствует их собственным паттернам поведения [15, р. 909]. Опасное состояние выражается в устремлении импульсов морального ресентимента как *вовне*, так и *внутри*, приводя к моральному и (или) физическому саморазрушению личности.

Механизм своеобразной эмоциональной бомбы замедленного действия, способной взорваться в самый неожиданный момент, раскрыт в стихотворении Вербы «Пояс шахида» [16, с. 61]:

Беспощадную память — мой пояс шахида,
Начиненный бедой и застегнутый болью,
Как уродливый старый протез инвалида,
Как обрубок войны, я тащу за собою...
...И когда светлый мир красоты и незнания

Я своими стихами взорву и разрушу,
Смертоносный тротил — мои воспоминания —
Сотней мелких осколков пронзят ваши души.

Затаенная боль и жестокий опыт прошедшей войны не позволяют героине стихотворения адекватно воспринимать события объективной реальности. Аксиологическая маргинальность здесь проявляется в метаниях между двумя ценностными полюсами — «войной» и «миром», служащими *разными* точками отсчета и критериями оценки событий прошлого и будущего. В данном случае речь идет о сублимации аффектов морального ресентимента в творческом акте: поэтесса обрушивает на читателей страшную правду о войне, которую не в силах удержать в памяти и в душе.

Ресентиментный «выброс» во внешнюю среду как способ аффективной разрядки может проявиться на личностном уровне в *открытой* форме неприятия ОМР или противостояния ему и привести, по сути, к продолжению или завершению конфликта. Но в любом случае аффективная разрядка будет свидетельствовать о переходе «опасного состояния» в *действие*. Не каждый СМР излечивается от «опасного состояния» таким радикальным способом, ведь именно невозможность действия вследствие собственного *бессилия* является отличительным признаком морального ресентимента. Чаще разрядка происходит в *латентной* форме опосредованных (порой анонимных) аффективных действий СМР. Заметим, что инновации информационного социума внесли свои коррективы в моральный кодекс современника: особую роль в аксиологических трансформациях играют медиатехнологии, используемые в качестве «глушителя» при оценке нарушений нравственных норм.

Обратимся к простым примерам. Представьте, что некто присвоил созданную вами культурную ценность (портрет, книгу, музыку и др.), недоброжелатель распустил о вас порочащие слухи, в производственном взаимодействии или в личном контакте вам предоставили недостоверную информацию. Все эти грубые нарушения моральных норм в реальной действительности имеют конкретные определения: кража, клевета, оскорбление, обман. Никто не сомневается в том, что виновные подлежат наказанию, определенному законом.

Скорректируем данную ситуацию с учетом использования в конфликтах медиатехнологий. Некто скачал из Интернета созданную вами культурную ценность. Недоброжелатель выложил в Сеть порочащую вас информацию. Сведения из

Интернета оказались недостоверными. Однако виновные в вышеуказанных действиях едва ли понесут наказание: медиатехнологии как *посредники* в виртуальных контактах придают данным проступкам *скрытый* смысл. Налицо явное моральное противоречие: обмануть, украсть, скомпрометировать в реальной действительности — это грубый аморальный поступок (в крайних случаях — преступление), в виртуальной реальности — лишь *латентное* нарушение моральных норм. В первом случае речь идет о проступке или преступлении личности против личности (или против общества), в последнем случае «личностность» нарушения моральных норм нивелируется медиатехнологиями, в некотором смысле *обезличивающими* участников конфликта. В информационном социуме такие факты становятся все более частым и привычным явлением по многим причинам, в том числе и вследствие несовершенства системы защиты информации [17, с. 114]. Интернет здесь выступает специфическим конструктом *инобытия* — пространством, где простые моральные нормы, усвоенные с детства, утрачивают императивный характер или приобретают иной ценностный смысл. Происходит *девальвация санкций*: то, что в реальной действительности подлежит осуждению и (или) наказанию, «через посредство» медиатехнологий *реабилитируется*.

Опосредованный и (или) анонимный моральный ресентимент в этом случае отличается *широтой* ценностного диапазона: Интернет используется и для сравнительно безобидных замечаний или шуток под ником, и для антигуманных проявлений ненавистнических чувств. Выплескивание эмоций СМР часто происходит на форумах различных сайтов в форме насмешливых, саркастических или грубых комментариев, которые заменяют выражение аффектов в межличностном общении. В ином случае в ход идет тяжелая артиллерия клеветнических и (или) оскорбительных инсинуаций, о чем упоминалось выше.

Следует отметить, что здесь Интернет выступает в качестве *механизма* более или менее адекватной (если это определение применимо к моральному ресентименту как таковому) и социально безопасной разрядки, когда аффект практически не выходит за пределы Сети. Хуже, когда конфликт не исчерпывается интернет-баталиями: информация становится страшным оружием поражающего действия, провоцируя *острое* «опасное состояние» СМР. Крайним проявлением выхода аффектов морального ресентимента за

пределы нормативного поля стала печально известная история с карикатурами на пророка Мухаммеда, помещенными во французском журнале «Шарли». Однако данная ситуация требует более тщательного философского осмысления и аксиологического обоснования. Разумеется, человеческая жизнь священна. Никто не обладает правом посягнуть на нее. Однако у каждого из нас, независимо от национальной и религиозной принадлежности, есть некий «сакральный» круг, состоящий из определенных ценностных *констант*, вечных основ духовного бытия: *вера, любовь, свобода, совесть, семья, родина и нация* [18]. Можно сузить или расширить этот круг общечеловеческих ценностей, но его аксиологическое ядро останется неизменным. Поэтому попытки журналистов нарушить границы священного ценностного круга вызвали столь неоднозначную реакцию мусульман. Но здесь речь идет не только об «ударной силе» аффекта ресентимента. Мы наблюдаем пример явного *расхождения* ценностного смысла моральных норм и стандартов. Трудно предположить, что журналисты своей публикацией намеренно стремились оскорбить чувства верующих. Но они расценивали свой поступок как невинную шалость, исходя из либеральных моральных представлений западного мира, в то время как ценностное содержание публикации затрагивало *основы* более строгой морали мира восточного.

Повторюсь, в данном случае мы имеем дело с крайним проявлением аффективной разрядки морального ресентимента. Более того, вовсе не обязательно он (как эмоциональное «возвращение» к событию) носит негативный характер. По мнению М. Шелера, порой ресентимент сам становится творческим и порождает ценности [10], а медиатехнологии предоставляют достаточные возможности для развития креативности. Например, моральный ресентимент может проявиться у человека не в попытках собственной иллюзорной моральной реабилитации, а в стремлении к самосовершенствованию или, по крайней мере, к самопознанию. Именно самопознание, считает И. Берлин, предоставляет «больше возможностей выбирать по-настоящему, а не полагать, что я выбираю нечто, когда фактически оно выбирает меня» [19, р. 179]. Трезво оценив собственные силы и возможности, человек может совершенствоваться, и полезная информация способна стать мощным импульсом к творчеству как оптимальному выходу из «опасного состояния».

К сожалению, в современном российском обществе наблюдается «максимально сильный заряд ресентимента» вследствие того, что сегодня «публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования» [20, с. 27]. Поэтому сотрудникам правоохранительных органов следует учитывать негативную роль морального ресентимента в формировании и развитии современников. Необходимо принятие превентивных мер общественного воздействия на ресентиментных личностей с целью эффективного регулирования общественных отношений для организации социальных взаимодействий на принципах доброжелательности, толерантности и «повседневного гуманизма» [21].

Итак, социально-философский анализ морального ресентимента («вновь-чувствования», эмоционального «возвращения» к событию) показал, что он является значимым фактором латентного «опасного состояния личности» и признаком аксиологической маргинальности личности. Если *социальная маргинальность* знаменует собой *завершение* процесса идентификационного кризиса, то *аксиологическая маргинальность* личности выступает *исходным*

пунктом или своеобразной вехой на пути, ведущем человека к утрате идентичности и к социальной маргинальности. Она не обязательно влечет за собой маргинальность социальную, но является тревожным симптомом *разбалансированности нормативно-ценностной системы* российского общества.

Ситуация нормативно-ценностного плюрализма в современной России оказывает негативное влияние на процесс личностного становления и развития и способствует формированию ресентиментных установок соотечественника. Сложность в распознавании ресентиментного типа, находящегося в латентном «опасном состоянии личности», ставит новые, более сложные задачи перед сотрудниками правоохранительных органов и требует совершенствования превентивных мер общественного воздействия на аксиологически маргинальных соотечественников. Таким образом, результаты исследования морального ресентимента как фактора латентного «опасного состояния личности» актуализируются: они могут найти применение в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, в современной правоохранительной и социальной практике с целью эффективного регулирования общественных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права : пер. с фр. / А. Принс ; пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. Г.С. Фельдштейна. — М. : В.И. Знаменский и Ко, 1912. — 167 с.
2. Люблинский П.И. Парижское совещание центрального бюро союза криминалистов / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. — СПб., 1912. — № 3.
3. Жижиленко А.А. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников / А.А. Жижиленко // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. — СПб., 1912. — № 3.
4. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 5–23.
5. Heller A. General Ethics / A. Heller. — Oxford : Oxford Univ. press, 1988. — 400 p.
6. Газгиреева Л.Х. Экзистенциально-ценностные отношения как движущая сила в управлении духовными процессами современного российского общества / Л.Х. Газгиреева // Проблемы социально-экономического развития общества. — Saint-Louis, MO : Science & Innovation Center Publ., 2013. — С. 20–39.
7. Артюхович Ю.В. Трансформация нравственных ценностей в информационном социуме / Ю.В. Артюхович // В мире научных открытий. — 2015. — № 58 (65). — С. 2925–2943.
8. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 407–524.
9. Юнгер Ф.Г. Ницше : пер. с нем. / Ф.Г. Юнгер. — М. : Праксис, 2001. — 256 с.
10. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. — СПб. : Наука : Унив. кн., 1999. — 231 с.
11. Lerner M. Social psychology of justice and interpersonal attraction / M. Lerner // Foundation of Interpersonal Attraction / T. Huston (ed.). — New York : Guilford Press, 1974. — P. 178–200.
12. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior / J.W. Atkinson // Psychological Review. — 1957. — Vol. 64. — P. 359–372.
13. Zuckerman M. An objective measure of fear of success: Construction and validation / M. Zuckerman, S. Allison // Journal of Personality. — 1976. — Vol. 40. — P. 422–430.
14. Durkheim E. Die elementaren Formen des religiösen Lebens / E. Durkheim. — Frankfurt-am-Mein : Suhrkamp Verlag, 1981. — 607 S.
15. Homish G.G. The social network and alcohol use / G.G. Homish, K.E. Leonard // The Journal of Studies on Alcohol and Drugs. — 2008. — Vol. 69, № 6. — P. 906–914.
16. Верба. Теплый пепел : проза и стихи / Верба. — Волгоград : Издатель, 2014. — 136 с.

17. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В.Б. Вехов ; под ред. В.П. Смагоринского. — М. : Право и закон, 1996. — 182 с.
18. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. — М. : Ин-т Рус. Цивилизации, 2011. — 1216 с.
19. Berlin I. Concepts and categories: Philosophical essays / I. Berlin. — Oxford ; Toronto ; Melburn : Oxford Univ. press, 1980. — 216 p.
20. Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали / Р.Г. Апресян // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнова. — М. : Ин-т философии РАН, 2001. — Вып. 2. — С. 27–40.
21. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. — М. : Ин-т философии РАН, 2000. — 194 с.

REFERENCES

1. Prins A. *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugovornogo prava* [Protection of Society and the Transformation of Criminal Law]. Moscow, V.I. Znamenskii i Ko Publ., 1912. 167 p.
2. Lyublinskii P.I. Criminalists Society Central Bureau Paris congress. *Zhurnal ugovornogo prava i processa, izdavaemyi pri Russkoi Gruppy Mezhdunarodnogo Soyuzha Kriminalistov = Criminal Law and Process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, 1912, no. 3. (In Russian).
3. Zhizhilenko A.A. To the issue of social protection measures for dangerous criminals. *Zhurnal ugovornogo prava i processa, izdavaemyi pri Russkoi Gruppy Mezhdunarodnogo Soyuzha Kriminalistov = Criminal Law and Process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, 1912, no. 3. (In Russian).
4. Zaslavskaya T.I. Social structure of modern Russian society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 1997, no. 2. pp. 5–23. (In Russian).
5. Heller A. *General Ethics*. Oxford University press, 1988. 400 p.
6. Gazgireeva L.H. Existential and value relations as a driver of spiritual processes in contemporary Russian society. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva* [Issues of Social and Economic Development]. Saint-Louis, MO, Science & Innovation Center Publ., 2013, pp. 20–39. (In Russian).
7. Artyukhovich Yu.V. Transformation of moral values in the information society. *V mire nauchnykh otkrytii = In the World of Scientific Discoveries*, 2015, no. 8 (65), pp. 2925–2943. (In Russian).
8. Nietzsche F. *On the Genealogy of Morals*. London, T N Foulis Publ., 1910. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl Publ., 1990, vol. 2, pp. 407–524).
9. Jünger F.G. *Nietzsche*. Frankfurt-am-Main, 1949. 250 S. (Russ. ed.: Junger F.G. *Nietzsche*. Moscow, Praxis Publ., 2001. 256 p.).
10. Sheler M. *Resentiment v strukture moralei* [Resentiment in the Structure of Morals]. Saint Petersburg, Nauka Publ., Universitetskaya kniga Publ., 1999. 231 p.
11. Lerner M. Social psychology of justice and interpersonal attraction. In Huston T. (ed.). *Foundation of Interpersonal Attraction*. New York, Guilford Press, 1974, pp. 178–200.
12. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychological Review*, 1957, vol. 64, pp. 359–372.
13. Zuckerman M., Allison S. An objective measure of fear of success: Construction and validation. *Journal of Personality*, 1976, vol. 40, pp. 422–430.
14. Durkheim E. *Die elementaren Formen des religiösen Lebens*. Frankfurt-am-Mein, Suhrkamp Verlag, 1981. 607 S.
15. Homish G.G., Leonard K.E. The social network and alcohol use. *The Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 2008, vol. 69, no. 6, pp. 906–914.
16. Verba. *Teplyi pepel. Proza i stihy* [Warm Ashes. Prose and Poetry]. Volgograd, Izdatel Publ., 2014. 136 p.
17. Vekhov V.B.; Смагоринский В.П. (ed.). *Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия* [Cybercrime: Commission and Investigation]. Moscow, Pravo i zakon Publ., 1996. 182 p.
18. Il'in I.A. *Put' duhovnogo obnoveniya* [The Path of Spiritual Renewal]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2011. 1216 p.
19. Berlin I. *Concepts and Categories: Philosophical Essays*. Oxford University press, 1980. 216 p.
20. Апресян Р.Г. Resentiment and historical dynamics of morals. In Guseinova A.A. (ed.). *Eticheskaya mysl' [Ethical Thought]*. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2001, iss. 2, pp. 27–40. (In Russian).
21. Lapin N.I. *Puti Rossii: sotsiokul'turnyye transformatsii* [Ways Russia: Socio-Cultural Transformation]. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2000, 194 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артюхович Юлия Васильевна — профессор кафедры философии и права Волгоградского государственного технического университета, доктор философских наук, профессор, г. Волгоград, Российская Федерация; e-mail: julart1@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artjukhovich, Julia V. — Professor, Chair of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Doctor of Philosophy, Professor, Volgograd, the Russian Federation; e-mail: julart1@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Артюхович Ю.В. Латентное «опасное состояние личности» в контексте теории морали / Ю.В. Артюхович // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 88–97. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).88-97.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Artjukhovich Ju.V. Latent «dangerous condition of personality» within the framework of the theory of morality. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 88–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).88-97. (In Russian).